

4. Коалиционное правительство и рост социальной напряженности

Новое правительство посвятило себя прежде всего решению проблемы заключения мира. Новая внешняя политика определялась и теоретически обосновывалась Церетели, за которым Терещенко — официальный глава российской дипломатии — следовал не без скептицизма. План заключения мира, разработанный Церетели, состоял из двух пунктов: обращение к правительствам с целью заручиться поддержкой идеи мира без аннексий (отказ России от притязаний на Константинополь должен был послужить примером); организация конференции всех социалистических партий в Стокгольме для разработки программы мира, которую социалисты воюющих стран, возродившие Интернационал, должны навязать своим правительствам, если те останутся глухи к доводам разума. Этот утопический проект потерпел полный крах. Терещенко прозондировал намерения союзников; ответы Ллойд Джорджа, Рибо и Вильсона были предельно ясны: война должна быть продолжена. После многочисленных подготовительных встреч проект международной социалистической конференции провалился, не выдержав двойного противодействия — как со стороны большевиков, боявшихся, что успех конференции приведет к заключению всеобщего мира, спасительного для капитализма, так и союзных правительств, которые отказались выдать паспорта «пацифистам».

Потерпев поражение на «фронте мира», новое правительство было не более удачливым и на военном фронте. Чтобы сохранить доверие союзников и не потерять полностью доверие командования, правительство попыталось добиться от армии возобновления «активных -операций», могущих послужить прелюдией к масштабному наступлению, которое, как все надеялись, стало бы последним. Керенский попытался восстановить порядок в армии, начавшей разваливаться. По приблизительным оцен-

кам, число дезертиров неизмеримо выросло: более 80 тыс. в середине мая только во 2-й армии. Сама идея продолжения войны все больше оспаривалась; за месяц (начало апреля — начало мая) эволюция была разительной. Большевицкая пропаганда распространялась неудержимо. Верховное главнокомандование возлагало на Совет всю ответственность за дезорганизацию армии, начавшуюся, по его мнению, со дня принятия Приказа № 1, и считало, что продолжать войну в этих условиях невозможно. Прикрываясь политикой, откровенно заигрывавшей с войсками (перемещение генералов, открыто противостоявших новому режиму, запрещение офицерам уходить в отставку, провозглашение «Декларации прав солдата», откуда, правда, были предварительно изъяты статьи, предоставлявшие солдатским комитетам право контролировать назначения офицеров), Керенский считал, что только авторитарное восстановление порядка в армии принесет положительные результаты. Чтобы подготовить наступление, он предпринял длительное и памятное турне по войсковым частям, стараясь убедить участников огромных солдатских собраний, пришедших его послушать, что сначала нужна военная победа над немцами, которая покажет союзникам, что Россия ищет мира не из слабости. На какое-то время это ему удалось. Как свидетельствовали доклады о «духе вооруженных сил» и значительное уменьшение числа дезертиров, инициатива Керенского породила некоторые иллюзии. 18 июня началось наступление, которое после нескольких первоначальных успехов захлебнулось, отчасти из-за нехватки снаряжения. И здесь провал правительства был очевиден.

В городах по-прежнему не переставала расти напряженность в отношениях рабочих с предпринимателями. В марте промышленники пошли на отдельные уступки: восьмичасовой рабочий день, повышение заработной платы, которое не превышало, как правило, 20% (тогда как стоимость жизни утроилась с 1914 г.). Эти мизерные прибавки не могли компенсировать собой все более серьезной угрозы безработицы. Под предлогом трудностей со снабжением предприятия то увольняли, то снова набирали рабочих. Заводские комитеты, легализованные наконец, 23 апреля потребовали представить им бухгалтерскую отчетность предприятий, чтобы проверить, действительно ли у администрации не было возможности повысить оплату труда и оправдало ли увольнение состояние запасов.

«Нормальные экономические отношения разрушены», — констатировала 14 мая кадетская газета «Речь». Возобновились и достигли широкого размаха забастовки. Предприниматели ответили локаутами. Как же повело себя правительство в условиях обострения этих конфликтов? Запятые решением проблемы войны и мира, министры-социалисты наспех состряпали экономическую и социальную программы. Последняя сводилась к двум основным пунктам: введение процедуры арбитража социальных конфликтов; государственный контроль над производством и распределением. По первому — предприниматели тянули время, обещая назначить «комиссии» для изучения предложений рабочих. По второму — промышленники, враждебно настроенные к любому контролю, воспользовались (дабы избежать его) разногласиями в стане «демократии». Тогда как Совет требовал введения монополии на мясо, кожу, соль и установления государственного контроля за угле- и нефтедобычей, металлургией, производством бумаги и кредитными учреждениями, министр труда Скобелев упоминал лишь о создании «комитетов» для учета и распределения заказов, которые по характеру своей деятельности явились бы преемниками военно-промышленных комитетов. Министр промышленности и торговли Коновалов не смог добиться никакого соглашения и ушел в отставку. Правящие классы, уже оказавшие пассивное сопротивление новому режиму, не подписавшись на «заем свободы» (который принес всего несколько сотен миллионов рублей вместо запланированных 5 млрд.), открыто отказались сотрудничать, упорнее, чем когда бы то ни было, уклонялись от выполнения требований трудящихся. Не желая признавать арбитраж согласительных комиссий и все чаще прибегая к локаутам, они саботировали развитие производства, чтобы дискредитировать правительство, объявленное ими «некомпетентным».

В этих условиях более решительным стало движение фабрично-заводских комитетов, которые начали объединяться. Сначала в столице состоялась конференция заводских комитетов Петрограда, за которой должен был последовать созыв всероссийского съезда. Петроградская конференция, руководимая Советом, стала первым результатом творчества народной «базы», возникшим *ex nihilo*. Большевики, бывшие в

меньшинстве в профсоюзах и Советах, первое время всячески поддерживали действия фабзавкомов. В конце мая открылась I Общегородская конференция фабзавкомов Петрограда, на которой присутствовало 500 делегатов с мандатами от 367 предприятий. Конференция приняла резолюции большевистского толка, противопоставлявшие государственному контролю рабочий контроль, и высказалась за переход «всей власти Советам». Тогда же был избран Исполком, где преобладали большевики. Последние не использовали его в экономической борьбе, а превратили в своего рода плацдарм для распространения политической пропаганды. Радикализация движения вызвала к жизни, независимо от влияния большевиков, несколько эфемерных попыток самоуправления. По советским источникам, с мая — июня по октябрь они затронули 576 предприятий, в большинстве своем мелких и средних (насчитывавших в среднем 335 рабочих). В конце июня Скобелев опубликовал воззвание, направленное против деятельности заводских комитетов. Складывалось впечатление, что правительство энергичнее противилось рабочему контролю (на несколько предприятий был наложен секвестр), чем учащающимся локаутам со стороны предпринимателей. Основным результатом этого воззвания был еще больший подрыв доверия трудящихся к правительству.

В сельских местностях правительство также теряло популярность. Предупредив крестьян о недопустимости незаконных захватов, правительство постановило создать на всех уровнях (губерния, уезд, волость) комитеты по снабжению (распределявшие зерно и имевшие право эксплуатировать незасеянные земли при условии выплаты собственнику ренты, соответствующей стоимости урожая) и аграрные комитеты (в функции которых входило проведение переписи земель в предвидении аграрной реформы, условия которой должно было определить Учредительное собрание). Вместо этих комитетов, единственная цель которых, казалось, состояла в лишении крестьян права получить наконец землю в собственность, крестьяне создали на общинных сходах собственные комитеты, структура которых, как правило, не соответствовала официальным инструкциям. Эти комитеты присваивали необрабатываемые земли (без выплаты компенсации), захватывали сельскохозяйственный инвентарь и скот, принадлежавшие помещикам, пересматривали в сторону снижения платы договоры об аренде, устанавливали порядок использования выпасов. На районных сходах принимались решения о мерах общего характера, таких, как немедленное прекращение всех земельных сделок, установление норм засева в крупных имениях, создание арбитражных судов, решения которых должны иметь силу закона до созыва Учредительного собрания. На уровне волости и в еще большей степени уезда крестьянские чайния формировала и «направляла» «сельская интеллигенция» (учителя, земские служащие и даже низшее духовенство). Параллельно с этой деятельностью множились «нарушения порядка» отдельными лицами. Число официально зарегистрированных правонарушений удесятирилось с марта по июнь. В основном это были те же беспорядки, что происходили в сельских местностях с начала века. Они состояли в незаконном занятии имений, воровстве и вырубке леса, захвате сена, хищении сельскохозяйственного инвентаря.

Крупные землевладельцы, как и промышленники, которые прибегали к локаутам, в ответ на действия крестьян сократили посевы. Они призвали правительство положить конец «анархии». Проколебавшись месяц, правительство, опасаясь распространения волнений, в начале апреля все же решило направить войска для восстановления порядка в деревне. Прошел еще месяц, прежде чем правительство созвало (9 мая) первую сессию Главного земельного комитета, которому была поручена подготовка аграрной реформы. В правительстве произошел раскол по поводу основных положений реформы, условия которой в любом случае должны были устанавливаться Учредительным собранием. Кадеты ратовали за выплату компенсации собственникам; эсеры предлагали поручить коммунальным собраниям управление распределенными землями, без всякой компенсации и в максимально уравнительном смысле. Что касается эсера Чернова, министра сельского хозяйства, он беспрестанно повторял, что никакая акция не должна быть предпринята до созыва Учредительного собрания («Наш лозунг — земля из рук Учредительного собрания»). Местные комитеты должны были подчиниться решениям Главного земельного комитета. Только большевики и отдельные левые эсеры призывали крестьян к немедленным действиям, но их ло-

зунги, оторванные от реальной жизни села, могли встретить отклик лишь у крестьян в солдатской форме, которые находились в городах.

Движение нерусских народов также пошло дальше, чем рассчитывал новый режим. По мнению правительства, национальный вопрос не стоял в повестке дня. Оно высокомерно игнорировало как I мусульманский съезд, состоявшийся 1 мая в Казани, так и успехи Украинской Рады. Со своей стороны, Петроградский Совет, настроенный соответствующим образом русскими, живущими в нерусских районах и не перестававшими резко критиковать «реакционных националистов», отклонил все просьбы об образовании национальных военных частей, на чем особенно настаивали украинцы и литовцы. Он только высказался незначительным большинством голосов в пользу культурной автономии национальных меньшинств (25 апреля), что не соответствовало желаниям этих народов. Для правительства, как и для Совета, главным был успех революции — только после победы в рамках Европы, освобожденной от германского империализма, можно будет дискутировать об автономии — вернее, о самоопределении. Тем не менее на I Всероссийском съезде Советов (3—23 июня) социалистические партии впервые единодушно признали право народов на самоопределение, которое сопровождалось очень резким осуждением всякой попытки одностороннего решения национального вопроса до созыва Учредительного собрания. Это предупреждение было обращено в первую очередь к финнам (чей Сейм готовил законопроект об установлении новых отношений с Россией) и украинцам. Действительно, Украинская Центральная Рада только что (10 июня) опубликовала свой первый «универсал», то есть первый суверенный закон. Понимая серьезность ситуации, Керенский отправился в Киев, где подписал с Радой (вопреки мнению министров-кадетов) протокол о признании Генерального секретариата Украины, члены которого будут назначаться Центральной Радой с согласия правительства. Учредительному собранию предстояло утвердить соглашение с Украиной, которая решила бы свою судьбу путем референдума. Кадеты резко протестовали против соглашения, представлявшего угрозу целостности государства и создававшего опасный прецедент.

Несмотря на рост напряженности и трудностей (все более решительное сопротивление крупной буржуазии и кадетов, блокирование экономических связей, социальный кризис в городах, распространение беспорядков в деревне, линия украинцев на раскол), I Всероссийский съезд Советов (в выборах депутатов на него приняли участие более 2 млн. граждан) свидетельствовал о политической победе «коалиции». Правящие партии (эсеры и меньшевики) получили значительное большинство (более 600 делегатов с правом участия в голосовании), тогда как оппозиция (большевики и левые эсеры) едва набрали пятую часть мандатов (около 150, из них 105 у большевиков). Съезд — настоящий «парламент революции» — стал театром памятных словесных баталий между большинством и оппозицией. Сразу же после его открытия лучшие большевистские ораторы — Троцкий, Ленин и Луначарский — «бросились в наступление» по вопросу о власти, требуя преобразования съезда в революционный Конвент, который взял бы на себя всю полноту власти. На утверждение Церетели, что нет партии, способной взять власть в свои руки, Ленин заявил с трибуны съезда: «Я отвечаю: «Есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и паша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком»».

Тем временем часть солдат столичного гарнизона, близких к большевикам и опасавшихся восстановления контроля над армией и отправки на фронт, обратилась в ЦК партии большевиков с предложением организовать демонстрацию против политики Керенского. Большевистские лидеры колебались, не зная, пойдут ли за ними рабочие. Боясь потерять поддержку солдат, завоеванную ценой настойчивых усилий, они в большинстве своем (за исключением Каменева и Зиновьева) одобрили идею демонстрации и подготовили воззвание, которое 10 июня должна была напечатать «Правда». Слухи о готовящейся большевистской демонстрации, к тому же вооруженной, достигли съезда. Большинство делегатов, сплотившись вокруг Церетели и Чхеидзе, решили призвать население к бдительности перед лицом «измены» и «провокации» большевиков. Решительная и единодушная реакция Совета, боязнь контрдемонстрации, сомнения по поводу ее подготовленности заставили Ленина отменить демонстрацию. «Правда» вышла 10 июня без воззвания. Большинство съезда захотело развить свой успех. Церетели осудил большевистский «заговор» и потребовал ро-

спуска рабочей милиции. Чтобы «показать решимость и единство революционных сил» и поддержать свою политику, Совет призвал провести демонстрацию 18 июня. К большому удивлению лидеров Совета, только большевики приняли в ней массовое участие. Вместо лозунга, предложенного меньшевиками и эсерами — «Через Учредительное собрание к демократической республике», большинство транспарантов содержали большевистские призывы: «Долой наступление!», «Да здравствует рабочий контроль!», «Вся власть Советам!». Успех столичных большевиков, которые благодаря своей активности в заводских и районных комитетах получили поддержку части гарнизона и рабочего класса Петрограда, стал переломным моментом. Впервые улица принадлежала им безраздельно. Но не окажется ли большевистская партия, в большей степени следовавшая за движением, чем его инициировавшая, в хвосте у собственных сторонников, среди которых солдат было не меньше, чем рабочих, разочарованных отменой Лениным демонстрации 10 июня? 18 июня завершился раскол российской социал-демократии.